

Валентин ОВЕЧКИН

РАССКАЗ

Пирасковья Максимова

Наш читатель знаком с повестью Валентина Овечкина «С фронтным приветом». Сегодня мы публикуем один из ранних рассказов писателя. Писатель еще до войны, этот рассказ не потерял своей остроты. Чтение этого рассказа в колхозах в последние времена по-казало, что затронутая в нем тема борьбы нового со старым волнует колхозного читателя. Правда, с тех пор в деревне многое изменилось. Колхозы ушли далеко вперед и передовиков, подобных Пирасковье Максимова, сейчас много. Тем не менее им и сейчас, хотя в нескладных формах, приходится бороться с косностью и рутинной. Укрепляя колхозы, наши передовики ведут сейчас настоятельную борьбу против паразитических элементов, ставящих личные интересы выше общественных. Пирасковья Максимова и ее сестры-звеньевые сами выросли и возмужали за эти годы, став настоящей колхозной гвардией, их пример увлекает за собой тысячи и тысячи колхозников.

Приехал я в один район Краснодарского края с заданием редакция — написать очерк о колхозном стахановском звене. Район был выбран отчасти, о котором раньше в газете писали мало. Выбрали мы его из соображений, что надо бы и в глухих уголках находить передовиков урожайности с осязательным широко через печать их работу.

В колхозе «Красные зори» было звено Пирасковья Максимова. Представление на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Секретарь райкома партии, к которому я пришел перед тем, как ехать в «Красные зори», сказал о Бондаренко, что она инициатор применения всех агротехнических новшеств на колхозных полях, что она первая подняла в районе соревнования звеньев за высокий урожай и что вот уже несколько лет урожай «делает» она, показывая звено Бондаренко политик в районе. Менее проинформированный, я решил, что в этом колхозе были с Бондаренко недоразумения: пытался обвинить, как будто в незаконной привнесении трудностей ее звено, в колхоз выехала комиссия, но это не подтвердилось.

Как дела в районе «политик» на звено Бондаренко, мне осталось непонятным. В колхозе «Красные зори» я столкнулся с довольно странным отношением к ней.

Председатель колхоза, говорил о Бондаренко, как-то жался, отводя глаза в сторону, хвалился, но замечать было — не от души.

По урожайности никто в районе ее не опередил, — это правда. Сорок девять центнеров пшеницы брала. За клецену краевую премию получила. Работает здорово — она, и все звено ее. Мы ей горю дали, в дом отсюда посылали ее в прошлом году...

Значит, хорошо звено? Есть чего написать?

Да... Вот только... Вы были в бригаде, говорили так с народом? Заметили что-нибудь?

Что?

Не любит ее многие колхозники, сами не можем понять — почему.

В звене?

Нет, звено у нее дружное. Есть такие, что лет по пять уже с ней работают. В звене — ничего, а вот с другими не ладит.

Тут же, в кабинете председателя, слышал, что-то...

Я тоже «затулила» уши и ушел...

Бондаренко — худая чахая женщина лет сорока, дала, смуглая и черноволосая, очень высокая на цыганку. Живет она одна, — дочь учится в городе, в медицинском институте, сына в прошлом году привезли в Краснодар. Армю, Несмотря на то, что Бондаренко все дни проводит в степи и редко бывает дома, в хате ее было уютно и чисто убрано. Хата — старая, крестьянская, на два помещения, с отворной стеной, поделенная маленькими перегородками, поделенная перегородками, поделенная перегородками...

Я знаю, как меня тут разговаривают: чорт, говорит, в юбке, а не баба. Ну, что ж, ладно, не хай так. Но это обидно. Обидно, что плетут такое, чего слухи и не было. Тут, если вам рассказать все... говорили про меня: она своих баб окончательно затянула, запрещает им за целый день присесть отдохнуть, ей бы только плетку в руки, — как жандарм! А девчата мои смеются: «Какая нова заставила бы нас не работать? В другое звено не можем перейти? Да сама-то она где — не с нами? Что ж она, разве богаче какой?» Говорили, что выработку я своему звену приписываю. Что такое? В других звеньях по полтора, от силы по два трудодня зарабатывают девчата на пропитание, а у Бондаренко — по три. Она не иначе как подмогала ученица, тот и приписывает им лишнее за бутылку водки. Говорили, что за красивые глаза премии получаю. Всего не перечисляю. Ляпают со злом, что в голову взбретет...

А за что злы? Как вам сказать? Вот я привела вам пример, так это еще не все. Есть такие люди, что как-то ничто у нас с ними плохого и не было, — ни за землю не грызлись, ни по работе столкновений не случилось, — а вот тоже не нравятся мы им.

Я начну прямо с нашего председателя, Василия Федорыча. Конечно, лишнего тут говорить не приходится: чтоб там гонимые какие-нибудь с его стороны было, либо еще чего, этого нет. Человек он грамотный, читает постановления, знает, что бывает тем руководителем, которые пали в колеса стахановцам, вставили. Бред бы даже идет нам навстречу — премия дает, в президиум всегда выдвигает, и все такое. Но только как-то оно у него получается не от чистого сердца. Как говорится, — не по любви, а по расчету.

Мы ведь, стахановцы, народ беспокойный, сами вечно в работе, в суете и другим покою не даем. А он, Василий Федорыч, малость тяжелеват на подъем и страшно любит достижениями хвалиться. На каждом собрании хвалится: «Помните, — говорит, — какие были у нас бурьяны в тридцать втором году? Были всадики! Что тогда в среднем было по трудодням? Всего ничего — килограмм, полтора. А сейчас — восемь килограммов! Полтора! Что нам еще надо?» И все в таком роде. Выходит: приехали до края, дальше двигаться некуда, выпрыгайте, хлопцы, коней, тай лягните спочивать. Я ему на это часто отвечаю: «Как у тебя, Василий Федорыч, шея не заболит назад оглядываться? Точно у вас это случается? Тридцать второе году! Не восемь, а двадцать килограммов могли бы давать, если бы все звенья одинаково боролись за урожайность». Опять-таки он и здесь не возражает. «Это правильно», — говорит. Хлопает в ладоши, а у самого лица не даже радость, а Вижу я его пасмурно. Ему эти мои слова прямо как серпом по душе. Не даем человеку на лаврах поспать. И вот так у нас получается: председатель, глава всему колхозу, старший руководитель наш, — а если не ладится, что-нибудь в работе, становится сомневающимся, духом падает, так не охота и идти к нему. Посочувствует, скажет: «Это правильно». Ну и все...

А с бригадиром что у нас было? Был у нас знаменитый бригадир, Анисим Петрович Божков. С самого начала коллективизации работал с двадцатью девятью года. Выдвигалось уже предложение на общем собрании — выслать его на тридцать пять лет в трудодни. А от нашего звена поступило другое предложение — назначить, если нужно, и пятьдесят соток, может, и больше, государственную грамоту ему выдать. Но с бригадиром ссоры.

За что мы на него так? Да просто видим — устал наш Петрович, не столько грамота, сколько делами своими, стал уже нем как гиря на ногах. Были тут знакомые курсы повышения квалификации — ни одного дня не ходил. «Я», — говорил, — и так квалификация ровнялся, вдоль и поперек. Могу без хаты амбулаторный анализ сделать каждому гектару и каждой ночки на гектаре, бо я об них за десять лет миллион раз днем и ночью спотыкался. По-сылали его в Краснодар учиться — обещал. Приехал туда, зашел в общежитие к курсантам, спросил у них расписание занятий, те рассказали одиннадцать предметов — русский язык, математика, химия, ботаника и еще целая куча. «Одиннадцать предметов? Химия, ботаника! Так это ж, — говорит, — надо лошадиную голову иметь, чтоб все туда влезло!» Прямым сообщением обратно на вокзал, пожелал доброго вечера, да — и домой.

Вот такой он — Божков. Хозяин он, правда, не плохой был, забавный, дивал и ночевал в бригаде, но что толку, если не хочет человек дальше своего носа смотреть? Стали мы на новый лад полеводство перестраивать, начали как следует за агротехнику браться, и вот тут уж видим — нету у нас бригадир.

Говорю я как-то ему: «Я, Анисим Петрович, заборонов гектара три ячменя. Видел, канал на нем корня? Попробуй, как выйдет». Он испугался: «Что ты, Паранья, очумела? Сроду такого не слыхал, чтоб яровые весной скороспелые». «А я», — говорю, — слышала. И читала. Не бойся ничего, на свою ответственность беру». Забороновала — по два центнера на гектаре прибавил, он получил. В другой раз — рассеял мы калийную соль по озимой пшенице, а он пришел на загон, поглядывая, говорит: «Будет у тебя, Паранья, садовья свои сыпать. Тут земля и так жирная, не выстоит пшеница, по-ляжет». Девчата мои стали смеяться, он не поймет — чего. «Иди, — говорю, — Анисим Петрович, спать, не страшно тут». Он: «Чего, чего ты, Паранья?» «Да», — говорю, — как же ты этого не знаешь? Калийная соль как раз для этого и употребляется — для укрепления стебля».

Ушел он, мы обсуждали между собой: плохо дело! Для нас, конечно, безраздельно, мы сами знаем, чего и сколько сыпать, но ведь у него в бригаде еще восемь звеньев. Что он им там плетет? И стали добиваться перед правлением, чтобы сняли с него. Не жалея, — говорим, — такого допознаго! Было время, может, и был он хорошим бригадиром, а сейчас уже не годится в руководители. Долго они раздумывали, жалко: десять лет работал человек. Ну, сняли все-таки. Вот вам, значит, еще не довольные: сам Божков, я думаю, брат, сестра, приятель — все чертом глится...

Может, кому-нибудь думается так: вот мы, стахановское звено, получили рекордный урожай, показали наглядно, каждому теперь ясно — и старому, и малому: будем по-старинке, работать по старинке и урожай собирать — плетать пудов, такой же и трудодень будет тощий, а при-

ний, читает постановления, знает, что бывает тем руководителем, которые пали в колеса стахановцам, вставили. Бред бы даже идет нам навстречу — премия дает, в президиум всегда выдвигает, и все такое. Но только как-то оно у него получается не от чистого сердца. Как говорится, — не по любви, а по расчету.

Мы ведь, стахановцы, народ беспокойный, сами вечно в работе, в суете и другим покою не даем. А он, Василий Федорыч, малость тяжелеват на подъем и страшно любит достижениями хвалиться. На каждом собрании хвалится: «Помните, — говорит, — какие были у нас бурьяны в тридцать втором году? Были всадики! Что тогда в среднем было по трудодням? Всего ничего — килограмм, полтора. А сейчас — восемь килограммов! Полтора! Что нам еще надо?» И все в таком роде. Выходит: приехали до края, дальше двигаться некуда, выпрыгайте, хлопцы, коней, тай лягните спочивать. Я ему на это часто отвечаю: «Как у тебя, Василий Федорыч, шея не заболит назад оглядываться? Точно у вас это случается? Тридцать второе году! Не восемь, а двадцать килограммов могли бы давать, если бы все звенья одинаково боролись за урожайность». Опять-таки он и здесь не возражает. «Это правильно», — говорит. Хлопает в ладоши, а у самого лица не даже радость, а Вижу я его пасмурно. Ему эти мои слова прямо как серпом по душе. Не даем человеку на лаврах поспать. И вот так у нас получается: председатель, глава всему колхозу, старший руководитель наш, — а если не ладится, что-нибудь в работе, становится сомневающимся, духом падает, так не охота и идти к нему. Посочувствует, скажет: «Это правильно». Ну и все...

А с бригадиром что у нас было? Был у нас знаменитый бригадир, Анисим Петрович Божков. С самого начала коллективизации работал с двадцатью девятью года. Выдвигалось уже предложение на общем собрании — выслать его на тридцать пять лет в трудодни. А от нашего звена поступило другое предложение — назначить, если нужно, и пятьдесят соток, может, и больше, государственную грамоту ему выдать. Но с бригадиром ссоры.

За что мы на него так? Да просто видим — устал наш Петрович, не столько грамота, сколько делами своими, стал уже нем как гиря на ногах. Были тут знакомые курсы повышения квалификации — ни одного дня не ходил. «Я», — говорил, — и так квалификация ровнялся, вдоль и поперек. Могу без хаты амбулаторный анализ сделать каждому гектару и каждой ночки на гектаре, бо я об них за десять лет миллион раз днем и ночью спотыкался. По-сылали его в Краснодар учиться — обещал. Приехал туда, зашел в общежитие к курсантам, спросил у них расписание занятий, те рассказали одиннадцать предметов — русский язык, математика, химия, ботаника и еще целая куча. «Одиннадцать предметов? Химия, ботаника! Так это ж, — говорит, — надо лошадиную голову иметь, чтоб все туда влезло!» Прямым сообщением обратно на вокзал, пожелал доброго вечера, да — и домой.

Вот такой он — Божков. Хозяин он, правда, не плохой был, забавный, дивал и ночевал в бригаде, но что толку, если не хочет человек дальше своего носа смотреть? Стали мы на новый лад полеводство перестраивать, начали как следует за агротехнику браться, и вот тут уж видим — нету у нас бригадир.

Говорю я как-то ему: «Я, Анисим Петрович, заборонов гектара три ячменя. Видел, канал на нем корня? Попробуй, как выйдет». Он испугался: «Что ты, Паранья, очумела? Сроду такого не слыхал, чтоб яровые весной скороспелые». «А я», — говорю, — слышала. И читала. Не бойся ничего, на свою ответственность беру». Забороновала — по два центнера на гектаре прибавил, он получил. В другой раз — рассеял мы калийную соль по озимой пшенице, а он пришел на загон, поглядывая, говорит: «Будет у тебя, Паранья, садовья свои сыпать. Тут земля и так жирная, не выстоит пшеница, по-ляжет». Девчата мои стали смеяться, он не поймет — чего. «Иди, — говорю, — Анисим Петрович, спать, не страшно тут». Он: «Чего, чего ты, Паранья?» «Да», — говорю, — как же ты этого не знаешь? Калийная соль как раз для этого и употребляется — для укрепления стебля».

Ушел он, мы обсуждали между собой: плохо дело! Для нас, конечно, безраздельно, мы сами знаем, чего и сколько сыпать, но ведь у него в бригаде еще восемь звеньев. Что он им там плетет? И стали добиваться перед правлением, чтобы сняли с него. Не жалея, — говорим, — такого допознаго! Было время, может, и был он хорошим бригадиром, а сейчас уже не годится в руководители. Долго они раздумывали, жалко: десять лет работал человек. Ну, сняли все-таки. Вот вам, значит, еще не довольные: сам Божков, я думаю, брат, сестра, приятель — все чертом глится...

Может, кому-нибудь думается так: вот мы, стахановское звено, получили рекордный урожай, показали наглядно, каждому теперь ясно — и старому, и малому: будем по-старинке, работать по старинке и урожай собирать — плетать пудов, такой же и трудодень будет тощий, а при-

ний, читает постановления, знает, что бывает тем руководителем, которые пали в колеса стахановцам, вставили. Бред бы даже идет нам навстречу — премия дает, в президиум всегда выдвигает, и все такое. Но только как-то оно у него получается не от чистого сердца. Как говорится, — не по любви, а по расчету.

Мы ведь, стахановцы, народ беспокойный, сами вечно в работе, в суете и другим покою не даем. А он, Василий Федорыч, малость тяжелеват на подъем и страшно любит достижениями хвалиться. На каждом собрании хвалится: «Помните, — говорит, — какие были у нас бурьяны в тридцать втором году? Были всадики! Что тогда в среднем было по трудодням? Всего ничего — килограмм, полтора. А сейчас — восемь килограммов! Полтора! Что нам еще надо?» И все в таком роде. Выходит: приехали до края, дальше двигаться некуда, выпрыгайте, хлопцы, коней, тай лягните спочивать. Я ему на это часто отвечаю: «Как у тебя, Василий Федорыч, шея не заболит назад оглядываться? Точно у вас это случается? Тридцать второе году! Не восемь, а двадцать килограммов могли бы давать, если бы все звенья одинаково боролись за урожайность». Опять-таки он и здесь не возражает. «Это правильно», — говорит. Хлопает в ладоши, а у самого лица не даже радость, а Вижу я его пасмурно. Ему эти мои слова прямо как серпом по душе. Не даем человеку на лаврах поспать. И вот так у нас получается: председатель, глава всему колхозу, старший руководитель наш, — а если не ладится, что-нибудь в работе, становится сомневающимся, духом падает, так не охота и идти к нему. Посочувствует, скажет: «Это правильно». Ну и все...

А с бригадиром что у нас было? Был у нас знаменитый бригадир, Анисим Петрович Божков. С самого начала коллективизации работал с двадцатью девятью года. Выдвигалось уже предложение на общем собрании — выслать его на тридцать пять лет в трудодни. А от нашего звена поступило другое предложение — назначить, если нужно, и пятьдесят соток, может, и больше, государственную грамоту ему выдать. Но с бригадиром ссоры.

За что мы на него так? Да просто видим — устал наш Петрович, не столько грамота, сколько делами своими, стал уже нем как гиря на ногах. Были тут знакомые курсы повышения квалификации — ни одного дня не ходил. «Я», — говорил, — и так квалификация ровнялся, вдоль и поперек. Могу без хаты амбулаторный анализ сделать каждому гектару и каждой ночки на гектаре, бо я об них за десять лет миллион раз днем и ночью спотыкался. По-сылали его в Краснодар учиться — обещал. Приехал туда, зашел в общежитие к курсантам, спросил у них расписание занятий, те рассказали одиннадцать предметов — русский язык, математика, химия, ботаника и еще целая куча. «Одиннадцать предметов? Химия, ботаника! Так это ж, — говорит, — надо лошадиную голову иметь, чтоб все туда влезло!» Прямым сообщением обратно на вокзал, пожелал доброго вечера, да — и домой.

Вот такой он — Божков. Хозяин он, правда, не плохой был, забавный, дивал и ночевал в бригаде, но что толку, если не хочет человек дальше своего носа смотреть? Стали мы на новый лад полеводство перестраивать, начали как следует за агротехнику браться, и вот тут уж видим — нету у нас бригадир.

Говорю я как-то ему: «Я, Анисим Петрович, заборонов гектара три ячменя. Видел, канал на нем корня? Попробуй, как выйдет». Он испугался: «Что ты, Паранья, очумела? Сроду такого не слыхал, чтоб яровые весной скороспелые». «А я», — говорю, — слышала. И читала. Не бойся ничего, на свою ответственность беру». Забороновала — по два центнера на гектаре прибавил, он получил. В другой раз — рассеял мы калийную соль по озимой пшенице, а он пришел на загон, поглядывая, говорит: «Будет у тебя, Паранья, садовья свои сыпать. Тут земля и так жирная, не выстоит пшеница, по-ляжет». Девчата мои стали смеяться, он не поймет — чего. «Иди, — говорю, — Анисим Петрович, спать, не страшно тут». Он: «Чего, чего ты, Паранья?» «Да», — говорю, — как же ты этого не знаешь? Калийная соль как раз для этого и употребляется — для укрепления стебля».

Ушел он, мы обсуждали между собой: плохо дело! Для нас, конечно, безраздельно, мы сами знаем, чего и сколько сыпать, но ведь у него в бригаде еще восемь звеньев. Что он им там плетет? И стали добиваться перед правлением, чтобы сняли с него. Не жалея, — говорим, — такого допознаго! Было время, может, и был он хорошим бригадиром, а сейчас уже не годится в руководители. Долго они раздумывали, жалко: десять лет работал человек. Ну, сняли все-таки. Вот вам, значит, еще не довольные: сам Божков, я думаю, брат, сестра, приятель — все чертом глится...

Может, кому-нибудь думается так: вот мы, стахановское звено, получили рекордный урожай, показали наглядно, каждому теперь ясно — и старому, и малому: будем по-старинке, работать по старинке и урожай собирать — плетать пудов, такой же и трудодень будет тощий, а при-

ний, читает постановления, знает, что бывает тем руководителем, которые пали в колеса стахановцам, вставили. Бред бы даже идет нам навстречу — премия дает, в президиум всегда выдвигает, и все такое. Но только как-то оно у него получается не от чистого сердца. Как говорится, — не по любви, а по расчету.

Мы ведь, стахановцы, народ беспокойный, сами вечно в работе, в суете и другим покою не даем. А он, Василий Федорыч, малость тяжелеват на подъем и страшно любит достижениями хвалиться. На каждом собрании хвалится: «Помните, — говорит, — какие были у нас бурьяны в тридцать втором году? Были всадики! Что тогда в среднем было по трудодням? Всего ничего — килограмм, полтора. А сейчас — восемь килограммов! Полтора! Что нам еще надо?» И все в таком роде. Выходит: приехали до края, дальше двигаться некуда, выпрыгайте, хлопцы, коней, тай лягните спочивать. Я ему на это часто отвечаю: «Как у тебя, Василий Федорыч, шея не заболит назад оглядываться? Точно у вас это случается? Тридцать второе году! Не восемь, а двадцать килограммов могли бы давать, если бы все звенья одинаково боролись за урожайность». Опять-таки он и здесь не возражает. «Это правильно», — говорит. Хлопает в ладоши, а у самого лица не даже радость, а Вижу я его пасмурно. Ему эти мои слова прямо как серпом по душе. Не даем человеку на лаврах поспать. И вот так у нас получается: председатель, глава всему колхозу, старший руководитель наш, — а если не ладится, что-нибудь в работе, становится сомневающимся, духом падает, так не охота и идти к нему. Посочувствует, скажет: «Это правильно». Ну и все...

А с бригадиром что у нас было? Был у нас знаменитый бригадир, Анисим Петрович Божков. С самого начала коллективизации работал с двадцатью девятью года. Выдвигалось уже предложение на общем собрании — выслать его на тридцать пять лет в трудодни. А от нашего звена поступило другое предложение — назначить, если нужно, и пятьдесят соток, может, и больше, государственную грамоту ему выдать. Но с бригадиром ссоры.

За что мы на него так? Да просто видим — устал наш Петрович, не столько грамота, сколько делами своими, стал уже нем как гиря на ногах. Были тут знакомые курсы повышения квалификации — ни одного дня не ходил. «Я», — говорил, — и так квалификация ровнялся, вдоль и поперек. Могу без хаты амбулаторный анализ сделать каждому гектару и каждой ночки на гектаре, бо я об них за десять лет миллион раз днем и ночью спотыкался. По-сылали его в Краснодар учиться — обещал. Приехал туда, зашел в общежитие к курсантам, спросил у них расписание занятий, те рассказали одиннадцать предметов — русский язык, математика, химия, ботаника и еще целая куча. «Одиннадцать предметов? Химия, ботаника! Так это ж, — говорит, — надо лошадиную голову иметь, чтоб все туда влезло!» Прямым сообщением обратно на вокзал, пожелал доброго вечера, да — и домой.

Вот такой он — Божков. Хозяин он, правда, не плохой был, забавный, дивал и ночевал в бригаде, но что толку, если не хочет человек дальше своего носа смотреть? Стали мы на новый лад полеводство перестраивать, начали как следует за агротехнику браться, и вот тут уж видим — нету у нас бригадир.

Говорю я как-то ему: «Я, Анисим Петрович, заборонов гектара три ячменя. Видел, канал на нем корня? Попробуй, как выйдет». Он испугался: «Что ты, Паранья, очумела? Сроду такого не слыхал, чтоб яровые весной скороспелые». «А я», — говорю, — слышала. И читала. Не бойся ничего, на свою ответственность беру». Забороновала — по два центнера на гектаре прибавил, он получил. В другой раз — рассеял мы калийную соль по озимой пшенице, а он пришел на загон, поглядывая, говорит: «Будет у тебя, Паранья, садовья свои сыпать. Тут земля и так жирная, не выстоит пшеница, по-ляжет». Девчата мои стали смеяться, он не поймет — чего. «Иди, — говорю, — Анисим Петрович, спать, не страшно тут». Он: «Чего, чего ты, Паранья?» «Да», — говорю, — как же ты этого не знаешь? Калийная соль как раз для этого и употребляется — для укрепления стебля».

Ушел он, мы обсуждали между собой: плохо дело! Для нас, конечно, безраздельно, мы сами знаем, чего и сколько сыпать, но ведь у него в бригаде еще восемь звеньев. Что он им там плетет? И стали добиваться перед правлением, чтобы сняли с него. Не жалея, — говорим, — такого допознаго! Было время, может, и был он хорошим бригадиром, а сейчас уже не годится в руководители. Долго они раздумывали, жалко: десять лет работал человек. Ну, сняли все-таки. Вот вам, значит, еще не довольные: сам Божков, я думаю, брат, сестра, приятель — все чертом глится...

Может, кому-нибудь думается так: вот мы, стахановское звено, получили рекордный урожай, показали наглядно, каждому теперь ясно — и старому, и малому: будем по-старинке, работать по старинке и урожай собирать — плетать пудов, такой же и трудодень будет тощий, а при-

ний, читает постановления, знает, что бывает тем руководителем, которые пали в колеса стахановцам, вставили. Бред бы даже идет нам навстречу — премия дает, в президиум всегда выдвигает, и все такое. Но только как-то оно у него получается не от чистого сердца. Как говорится, — не по любви, а по расчету.

Мы ведь, стахановцы, народ беспокойный, сами вечно в работе, в суете и другим покою не даем. А он, Василий Федорыч, малость тяжелеват на подъем и страшно любит достижениями хвалиться. На каждом собрании хвалится: «Помните, — говорит, — какие были у нас бурьяны в тридцать втором году? Были всадики! Что тогда в среднем было по трудодням? Всего ничего — килограмм, полтора. А сейчас — восемь килограммов! Полтора! Что нам еще надо?» И все в таком роде. Выходит: приехали до края, дальше двигаться некуда, выпрыгайте, хлопцы, коней, тай лягните спочивать. Я ему на это часто отвечаю: «Как у тебя, Василий Федорыч, шея не заболит назад оглядываться? Точно у вас это случается? Тридцать второе году! Не восемь, а двадцать килограммов могли бы давать, если бы все звенья одинаково боролись за урожайность». Опять-таки он и здесь не возражает. «Это правильно», — говорит. Хлопает в ладоши, а у самого лица не даже радость, а Вижу я его пасмурно. Ему эти мои слова прямо как серпом по душе. Не даем человеку на лаврах поспать. И вот так у нас получается: председатель, глава всему колхозу, старший руководитель наш, — а если не ладится, что-нибудь в работе, становится сомневающимся, духом падает, так не охота и идти к нему. Посочувствует, скажет: «Это правильно». Ну и все...

А с бригадиром что у нас было? Был у нас знаменитый бригадир, Анисим Петрович Божков. С самого начала коллективизации работал с двадцатью девятью года. Выдвигалось уже предложение на общем собрании — выслать его на тридцать пять лет в трудодни. А от нашего звена поступило другое предложение — назначить, если нужно, и пятьдесят соток, может, и больше, государственную грамоту ему выдать. Но с бригадиром ссоры.

За что мы на него так? Да просто видим — устал наш Петрович, не столько грамота, сколько делами своими, стал уже нем как гиря на ногах. Были тут знакомые курсы повышения квалификации — ни одного дня не ходил. «Я», — говорил, — и так квалификация ровнялся, вдоль и поперек. Могу без хаты амбулаторный анализ сделать каждому гектару и каждой ночки на гектаре, бо я об них за десять лет миллион раз днем и ночью спотыкался. По-сылали его в Краснодар учиться — обещал. Приехал туда, зашел в общежитие к курсантам, спросил у них расписание занятий, те рассказали одиннадцать предметов — русский язык, математика, химия, ботаника и еще целая куча. «Одиннадцать предметов? Химия, ботаника! Так это ж, — говорит, — надо лошадиную голову иметь, чтоб все туда влезло!» Прямым сообщением обратно на вокзал, пожелал доброго вечера, да — и домой.

Вот такой он — Божков. Хозяин он, правда, не плохой был, забавный, дивал и ночевал в бригаде, но что толку, если не хочет человек дальше своего носа смотреть? Стали мы на новый лад полеводство перестраивать, начали как следует за агротехнику браться, и вот тут уж видим — нету у нас бригадир.

Говорю я как-то ему: «Я, Анисим Петрович, заборонов гектара три ячменя. Видел, канал на нем корня? Попробуй, как выйдет». Он испугался: «Что ты, Паранья, очумела? Сроду такого не слыхал, чтоб яровые весной скороспелые». «А я», — говорю, — слышала. И читала. Не бойся ничего, на свою ответственность беру». Забороновала — по два центнера на гектаре прибавил, он получил. В другой раз — рассеял мы калийную соль по озимой пшенице, а он пришел на загон, поглядывая, говорит: «Будет у тебя, Паранья, садовья свои сыпать. Тут земля и так жирная, не выстоит пшеница, по-ляжет». Девчата мои стали смеяться, он не поймет — чего. «Иди, — говорю, — Анисим Петрович, спать, не страшно тут». Он: «Чего, чего ты, Паранья?» «Да», — говорю, — как же ты этого не знаешь? Калийная соль как раз для этого и употребляется — для укрепления стебля».

Ушел он, мы обсуждали между собой: плохо дело! Для нас, конечно, безраздельно, мы сами знаем, чего и сколько сыпать, но ведь у него в бригаде еще восемь звеньев. Что он им там плетет? И стали добиваться перед правлением, чтобы сняли с него. Не жалея, — говорим, — такого допознаго! Было время, может, и был он хорошим бригадиром, а сейчас уже не годится в руководители. Долго они раздумывали, жалко: десять лет работал человек. Ну, сняли все-таки. Вот вам, значит, еще не довольные: сам Божков, я думаю, брат, сестра, приятель — все чертом глится...

ла! Не скоро это будет. — «Почему, говорю, не скоро? Все в наших руках. Можно и надо по-растать, можно и сокращать, как виться. Захотеть только надо крепко, так захотеть, чтобы всей душой валил ты вперед. И надо, чтоб руководители наши не о тридцать втором году толковали тут нам, а о сорок втором...»

Я вам недосказала про Божкова, как его снимали. Агротехника — одно, а то пришлось нам еще в другом деле его поспрашивать. Проверили мы перед переездом соидогоры и пошли комиссией по хатам поглядывать: готовятся ли хозяйки к празднику, мажут ли, белят. Зашли и до Божкова, — как там наш квалификация бригадир живет? У него хата большая, — бывшая кулацкая, а в хате кто конем играло — пусто, голый, стол на трех ножках, кучи зерна всюду на сыпаны, в углу вместо кровати топчан, битый из досок, на топчане жена лежит с ребенком, — вчера только родила. Грязно, мышами воит. Жалкая картина...

Ну мы его там как взяли в оборот! «Дикий», — говорим, — ты человек, Анисим Петрович. И кости, и голова у тебя привычная ко всякому отнявшему, потому она и боится химии». А потом, на заседании правления, мы ему и это рассказали. Дознавая, ем в одну душу: «Не может такой человек быть нашим руководителем. Куда он нас поведет?» Бабы после судачили: «Через то Божка скинули, что Паранья не угодила — не на кровати, а на топчане спал. Некультурно!»

Больше всего докучают нас вот такими слухами. Должно быть, потому, что самое легкое — укусила и спрыскала, и иди его потом, кто ляпнул... Иной раз так обидно станет, разволнуешься, переплещешься тут, одна, ночью... Смешно сказать — костюм мой, тришки вот эти, и то людям глаза колют. «О, — говорю, — финтигит наша Паранья! Старуха, а наряжается, как молоденькая». Да какое оно дело? Хлеб есть, деньги есть, — куда мне это все девать? Если старуха, так должна в отрешах ходить, чтоб другим на меня и глядеть было противно!

Я ведь за эти слухи вынуждена была на родного брата в суд подать. Да было дело, довели...

Вышло так. Убирали мы в прошлом году клецену. В нашем звене были самым ранним посев, и у нас она созрела раньше всех. В субботу поглядывала, что клеценка начинает обсыпаться, договорилась со своими девчатами с бригадиром и решила начинать ломку кистей на другой день, а выходной вместо воскресенья взять в среду или в четверг. После уборки подсчитали мы урожайность. У нас получилось пятнадцать центнеров с гектара, а в других звеньях — семь, восемь с половиной. И вот вдруг откуда ни возьмись, пошли слухи: это Бондаренчиха со своими ударицами затем ходила в воскресенье ломать клецену, что в тот день было в степи, не было, и они наломали кистей в других звеньях и к своей урожайности приписали.

Я была на загоне, зеленая глела, не знала еще ничего, когда прибегает ко мне Катя Кузменкина, рассказывает, что и так, вот что говорят о нас. Бабы собрались на таборе, бунтуются, кричат: «Эти они, может, всегда так урожайность повышают, — наших участков? У меня аж руки-ноги затряслись, сомнела вся. Кто ж это мог такую подлость сделать? Пришла на табор, утомилась баб. Давайте, говорю, разберемся. Кто видел, что мы вау клецену ломали? Вот тебя, Санька, больше всех слышали — ты видела? Нет, — говорю, — не видела, мне Феклушка сказала». Ладно, давай Феклушку. Ты, Феклушка, видела? «Самая не видела, слышала, как бабы говорили». — «Кто?» — «Да вот Даша говорила». — «А тебе, Даша, кто сказал?» — «Гребрала так всех по одной, и кончилась на родном братице моем, Кирюхе. Он уж на от кого не слыхал, сам первый выдумал и пустил. «Я», — говорю, — шутейно, хотел других звеньевых подразнить...» Шутейно!

Вы не видели брата моего? Волков — его фамилия. На два года старше меня, здоровенный такой верзилка, на спор ломать типичную перебивает. Возьмем на ладони, трахнул об лоб, — пополам, как об камень! Раз у одного úplоченного пятидесятирублей атак выспирал. Тот выбрал ему самую крепкую, огнеупорную, — перебил!